

О. Б. Филиппова

Вопрос определения понятия «приход» в предсоборной дискуссии и на Поместном соборе 1917–1918 годов

В статье анализируется поиск объема понятия «приход» в ходе предсоборной дискуссии и на Поместном соборе 1917–1918 гг. Для участников полемики это был поиск пути воплощения духа соборности. Так, в начале XX в. приход мог называться одновременно «малой церковью», «общиной», «учреждением», «основной ячейкой церковного общества», «попечительством» и «братством». Наиболее острая дискуссия развернулась между теми, кто пытался определить приход через понятия «малая церковь» (в смысле собрания верующих) и «от Бога установленное учреждение», в котором прихожане и причт мыслились вторичной составляющей по отношению к приходскому храму.

В качестве предпочтительной идеи, предложенной в рамках Предсоборной дискуссии и на Соборе 1917–1918 гг., была выдвинута «модель» прихода-общины, состоящей при приходской церкви.

ключевые слова: приход, община, попечительство, братство, *paroikia*, соборность, «модели» прихода, предсоборная дискуссия, Предсоборное присутствие, Поместный собор 1917–1918 гг.

Впервые в русском церковном праве понятие «приход» было канонически разработано в приходском Уставе, принятом на Поместном соборе 1917–1918 гг. Не отвлекаясь на юридические тонкости, важно сказать, что в целом было принято такое понимание прихода, какое сложилось приблизительно в XVI в. «естественным образом», неофициально, без влияния церковной терминологии, а затем уже употреблялось в разговорной речи и официальном языке как само собой разумеющееся. Под приходом понимался церковный территориальный округ и в нем — общность людей, которые окормляются, т. е. молятся, приобщаются таинствам и удовлетворяют другие религиозные потребности в одном храме, относящемся к этому округу. С другой стороны, до конца XV в. отношения священника и его паствы в источниках обозначались не всегда

в пределах территориальной общины, а и в рамках так называемой покаяльной семьи — людей, регулярно исповедующихся и причащающихся у одного иерея, объединенных с ним и друг с другом духовными связями¹. Вникая в определения прихода, которые были даны в начале XX в., в том числе и на Соборе 1917–1918 гг., можно заметить, что в той или иной мере в них нашла отражение борьба между этими двумя моделями прихода.

В центре общероссийской дискуссии тема определения прихода впервые появилась, начиная с заседаний Предсоборного присутствия 1906–1907 гг. Ее главными участниками были профессора канонического права духовных академий, а также светские юристы.

Уже ко времени открытия Предсоборного присутствия², — вспоминает Н. А. Заозерский, — в нашей периодической печати накопилось такое значительное количество исследований, статей, статей и проектов организации православного прихода — частных и правительственных — что казалось бы решить приходской вопрос — дело весьма легкое. Действительность показала, однако же, нечто иное. <...>

...Выявилось такое различие принципиальных воззрений на сущность православного прихода, что прийти к какому-либо единогласию оказалось невозможным. <...>

Этот опыт показывает, что... <...> остается еще нечто недосказанное, есть пробел, который нужно восполнить, именно в видах выяснения основных, принципиальных воззрений на сущность православного прихода [Заозерский, 1–2].

Важно подчеркнуть, что при попытках дать определение прихода в начале XX в. приходилось пользоваться не устоявшейся терминологией. Так, приход одновременно мог называться «малой церковью», «общиной», «учреждением», «основной ячейкой церковного общества» и пр. в силу «плавающих» терминов. Епископ Назарий (Кириллов) в 1905 г., например, писал:

Приход есть церковное учреждение общинного характера, в котором путем богодарованных средств, при законных пастырях, достигается общая цель религиозно-нравственной жизни — спасение людей. <...> В древности Церковь каждого города или села представляла собой братство, в буквальном

1. См.: [Стефанович, 236–237].

2. То есть к началу 1906 г.

смысле братство, в котором все друг другу помогали: у верующих — можно сказать словами книги Деяний святых апостолов — было как бы одно сердце и одна душа. Верующие, составляя одну братскую общину, были в самом теснейшем единении и со своими пастырями; они были соединены в одно тело общностью интересов [*Отзывы II, 424*].

В определениях прихода, данных в начале XX в., нашли отражение элементы действующего гражданского права, канонического права, фактическое состояние прихода и идеальное, а точнее новозаветное представление о нем. Не строго разграничены в понятии о приходе и его церковно-социальная, гражданская и юридическая природы (как субъекта имущественного права).

Приведем наиболее характерные примеры определений прихода.

В отзыве архиеп. Агафангела (Преображенского) мы читаем:

...Является необходимым, прежде всего, признать духовенство прихода — купно со всеми без исключения верующими этого прихода — одной христианской общиной, малой Церковью, не дробимой частью единого тела Христова, в котором должен жить и единый дух Христов. В церковном приходе должна быть установлена не противоположность, а общность стремлений к единой общей цели — созиданию всего церковно-приходского народа в истинную Церковь Божью, в напоенное Духом Божиим тело Христово [*Отзывы II, 301*].

Вот строчки из отзыва еп. Евлогия (Георгиевского), в которых он уже описывает одновременно церковную норму и реальность:

Приход есть, бесспорно, то первоначальное ядро, та ячейка, в которой как бы в зародыше заключаются все благодатные силы святой Церкви. Самая небольшая приходская община является «малой Церковью», не лишенная великих церковных дарований. <...> <Но> современный приход — это вовсе не та чудная христианская община любви, не та святая семья Божья, у которой было одно сердце и одна душа; это — случайное собрание чуждых друг другу людей, которые изредка сходятся в храм, чтобы сейчас же разойтись из него в разные стороны, совершенно забыв друг друга [*Отзывы II, 471*].

Мы видим, как объем понятия «приход» — что также характерно и для всей предсоборной дискуссии — колебался от евангельской «малой церкви» до «учреждения». А приход и прихожане мыслятся: а) то безгласным, бесправным коллективом,

б) то обществом, наделенным определенными правами и свободами, которое создано для внешних вполне земных целей, в) то общиной, способной различать действие Духа, быть учениками Христовыми и соработниками на Его nive.

Нередко в документах начала XX в. приходская община называется «попечительством» или «братством». Однако смысл, который вкладывается этой терминологией, представляет собой ту же палитру: от «малой церкви» для одних до «божественного учреждения (установления)» — для других. То есть от общины, во главе которой стоит Христос, до управляемого иерархией коллектива³.

Наиболее острая предсоборная полемика развернулась между теми, кто пытался определить приход через понятие «малая церковь», в смысле *собрания* верующих, и называвшими его «от Бога установленным учреждением». Так, например, на заседаниях Предсоборного присутствия наибольшее число голосов получило определение прихода, предложенное проф. А. И. Алмазовым, которое звучит следующим образом:

Православный приход есть церковное учреждение, состоящее в ведении епископа, для удовлетворения религиозно-нравственных нужд, определенного в числе собрания православных христиан, под пастырским руководством священника и при назначенном для того церковной властью храме [Журналы и протоколы III, 291].

То есть авторы данного определения видят в приходской общности никак не общину, а некое общество или коллектив — в зависимости от меры прав и свобод, которыми они захотят или смогут наделить прихожан.

Профессор Н. А. Заозерский задается вопросом:

...Разве понятие «церковное учреждение» противно понятию «церковная община»? <...> Всматриваясь затем в следующие части рассматриваемых

3. См., напр., отзыв еп. Христофора (Смирнова): «...может помочь делу восстановление приходских братств, но не в смысле благотворительных только учреждений, каковое значение братства получили только в позднейшее время, когда истинная идея братства исчезла из сознания общества, а в смысле живых органов, проникнутых идеей братства во Христе и могущих оживлять и вдохновлять весь церковный организм.

<...>

Пока не возлюбим братство в самом широком смысле как древне-церковную, из существа христианства вытекающую и существу Церкви вполне отвечающую, жизненную норму, до тех пор никакие реформы не воскресят настоящую, истинную жизнь Церкви, умиравшую именно с угасанием и умиранием в Церкви идеи братства во Христе...» [Отзывы II, 59, 65].

определений <прихода> мы находим опять все однородные элементы, а именно: храм, или церковь, настоятеля и причт, мирян и епископа. <...>

В чем же дело? [Заозерский, 13].

В начале XX в. многие ученые, например, проф. В. В. Болотов, обращавшийся к опыту жизни древней церкви [Болотов], или тот же проф. Н. А. Заозерский стали писать о церковной норме, согласно которой приход (παροικία) и церковь (ἐκκλησία), точнее — παροικία — «церковная норма» и церковь — ἐκκλησία — «христианское собрание» — тождественны. В качестве аргументов они приводили различные исторические источники, в том числе богослужебные тексты и источники канонического права: 16–18-е правила Антиохийского собора, 15-е Анкирского собора, 6-е правило Гангрского собора и др. Данная точка зрения на приход отстаивала за ним право быть общиной евангельской наполненности.

Согласно же Уставу духовных консисторий и церковной практике начала XX в., впрочем, в этом смысле ничем не отличающейся от сегодняшнего дня, приход или приходская община представляет собой элемент, целиком привходящий в «церковь-учреждение», частью которого является «церковь-храм». Согласно этой логике, «приход [παροικία] без церкви [храма, здания] — явление немислимое... <и> (наоборот, церковь [храм, здание] без прихода [без людей, в смысле приходской общины, παροικία или ἐκκλησία] мыслима, без всякого сомнения)», — так описывает существующее положение дел проф. Н. А. Заозерский [Заозерский, 13].

В приходе, как «богоустановленном учреждении», прихожане мыслились вторичной составляющей по отношению к приходскому храму и причту. Поэтому таким важным завоеванием начала XX в. представляется утверждение в составе приходской общины «священно-церковнослужителей», в противовес принятому пониманию рубежа XIX–XX вв., согласно которому в состав приходской общины входили только окормляемые миряне. Например, мнение большинства епископов начала XX века было таково:

Считать, что «православный приход такой-то церкви» должен состоять из клира этой церкви, купно со всей его паствой, тесно между собой связанн<ой> и составляющ<ей> одну нераздельную духовную общину. *Алексий (Опоцкий)* [Прибавления, 72].

Уместно упомянуть и немногочисленные суждения, тем не менее встречающиеся в это время, которые связывают «купно» с «малой церковью» и епископов, видя их членами конкретной «приходской общины», «братства» или «попечительства». Еп. Иоанникий (Казанский), например, писал:

Необходимо восстановить <приход> — насколько это окажется удобным и возможным при современных условиях — по началам древне-христианских общин, из которых каждая, как бы мала или велика ни была по своему составу, представляла из себя одно тело во Христе, как бы тесную семью во главе с епископами и пресвитерами... [Отзывы I, 358].

С другой стороны, в некоторых определениях приход хотя и назывался «общиной» и «малой церковью», но по сути прихожане выделялись в особый класс «управляемых». Согласно этим формулировкам приходская община оставалась общиной *при* церкви (здании), а не самой церковью (*ἐκκλησία*). Поэтому, наряду с вышеизложенной борьбой определений приходов, одной из центральных тем предсоборного периода был вопрос отношения к храму. Так, в связи с этой полемикой в начале XX в. появился ряд работ, посвященных исследованию места храма в христианской и языческих религиях⁴.

В работе IV отдела Предсоборного присутствия мы можем найти голоса епископов в поддержку определения прихода, в котором в качестве необходимого его критерия подчеркнута отсутствует указание на то, что приход — это объединение христиан *при* храме⁵. Эта гибкость мысли части русского епископата не была воспринята большинством Собора 1917–1918 гг. Что касается соборного приходского Устава, то в нем выявилась компромиссная позиция, пытающаяся примирить два взгляда на приход: как на «общину» и «малую церковь» и как на «установление *при* церкви (храме)».

Возникновение полемики по всем этим вопросам было спровоцировано тем, что к началу XX в. последний рубеж и оплот прихода — его «каноническая граница» — начал пропадать, явно оформившись уже в событиях 1917 г. Вот, что пишет в «Отзывах»,

4. См., напр.: [Журналы и протоколы I, 24–27; Журналы и протоколы III, 357–360].

5. См., напр., мнения архиеп. Сергия (Страгородского), еп. Кириона (Садзагелова) [Журналы и протоколы III, 301].

например, московская комиссия, возглавляемая митр. Владимиром (Богоявленским):

Основную ячейку церковной жизни должен составлять приход...

Но здесь мы должны отметить то печальное явление, что в настоящее время приходская жизнь у нас на Руси проявляется весьма слабо, а во многих местах ее и совсем нет. Здесь я разумею приходскую жизнь в больших городах. Там пастырь не знает даже, где пределы этих приходов и кто их прихожанин. В этом слове «прихожанин» выражается и вся сущность нынешних отношений пасомых к пастырям. Прихожанином считается только тот, кто приходит в церковь за какой-нибудь требой, и только тогда, когда приходит. А ушел он — вместе с тем перестал быть и прихожанином. Пошел в другую церковь, к другому священнику, — стал прихожанином другой церкви и другого священника... [Отзывы III, 231].

Несомненно, описываемому процессу способствовал бурный экономический рост, который можно видеть в это время в стране. Он сопровождался не подлежащим никакому контролю перемещением российского населения. «...Разложение же и омертвление приходской жизни особенно заметно в городах, и какие отсюда грустные и страшные последствия! Какой упадок религиозно-нравственной жизни!», — восклицает владыка Евлогий (Георгиевский) [Отзывы II, 471–472].

И наверное, мы здесь не найдем более яркого примера узнавания *времен и сроков*, хотя и не единственного, чем пример о. Иоанна Кронштадтского, который, уловив начало разрушения территориального принципа в приходской жизни, поставил в центр своего пастырского служения евхаристию. Надо сказать, что сам Устав 1917–1918 гг., так же как и ныне действующий устав, ни в каком смысле не учитывают этой перемены, и даже запись прихожан в приходскую книгу не в состоянии дать главного ответа на новый вопрос. Тем не менее, в оправдание решений Собора 1917–1918 гг., стоит указать, что один из пунктов вводной статьи приходского Устава содержит ссылку на 80-е правило VI Вселенского Собора об отлучении от церкви прихожанина, пропустившего евхаристическое собрание без уважительной причины три воскресенья подряд. Очевидно, здесь мы видим одну из первых, робких попыток сблизить мистериальные и канонические границы прихода. Робких потому, что в самом Уставе 1917–1918 гг. мы не найдем никакого развития этой мысли, и вопрос о членстве в приходе по-прежнему решен

в нем исключительно на основе единой территории. Что касается архиерейской мысли или мысли профессуры духовных академий, то у них мы практически не встретим ни призыва к участию в евхаристии, ни понимания того, что само участие в ней может быть одним из необходимых критериев членства в приходе⁶. В целом это нечувствие синодальной иерархии особенно ярко видно в свете пастырства российских праведников рубежа XIX–XX вв., прав. о. Иоанна Кронштадтского, о. Алексия Мечёва и других, которые в центр своей приходской деятельности поставили созидание того, что мы сегодня называем «молитвенным собранием верных». Они стали объединять людей, ищущих духовной жизни, созидая собрание верных, в первую очередь, в евхаристии и в других храмовых молитвах и таинствах, а также стали заботиться об общей внебогослужебной жизни своих прихожан. И поскольку храмовая молитва стала молитвой собрания, невозможно было не заботиться о духе и смысле богослужения, т. е. о том, что тогда называлось «уставным богослужением». Своих прихожан эти пастыри приглашали в приход как в «свой монастырь», приглашали на единственный и общий путь Жизни, путь ученичества у Христа.

Тем не менее, несмотря на то, что единство территории в основных предсоборных документах и на Соборе продолжало быть одной из основных характеристик приходской общности, оно уже не было единственным. Некоторые архиереи конца синодального периода, например, начали искать для приходской общности новые критерии, показывая более разумный и гибкий подход к «территориальной проблеме», чем тот, который явлен, например, в соборном Уставе 1917–1918 гг., в котором общий критерий членства для *всех* приходов России — территориальный.

Принципиально иное отношение к необходимости сохранения территориального единства прихода, например, у того же митр. Владимира (Богоявленского).

...Попечительства, равно как и другие *свободные религиозно-нравственные союзы и братства* (курсив мой. — О. Ф.), не только не излишни, но на уч-

6. Единственный отзыв, в котором евхаристия вспоминается как одно из средств к «оживлению приходской жизни», — ответ еп. Арсения (Стадницкого), где в самом последнем пункте «е» написано: «возможно частое приобщение св. таин всех христиан».

реждение и развитие их должно быть обращено самое серьезное внимание епархиальной власти и настоятелей церквей [Отзывы III, 235].

Здесь стоит подчеркнуть, что, говоря об этих свободных союзах, митрополит не имел в виду учреждений, находящихся в подчинении у прихода, так называемых *приходских комиссий* [О благоустроении, 15], он говорит об «учреждениях», свободных от жизни в приходской парадигме. Схожую свободу суждений мы можем увидеть и у некоторых других иерархов этого времени⁷.

Таким образом, часть иерархии констатирует, что приходская общность начала XX в. необязательно определяется проживанием в одном районе или прикрепленностью к храму-зданию.

Творческая мысль церковного общества того времени — как иерархии, так и авторов богословской, пастырской и публицистической литературы — была сосредоточена на поиске механизма реформы. Для всех них это был поиск пути воплощения духа *соборности*. Сто лет назад большинству российского общества этот путь к соборности приходской жизни виделся в предоставлении приходской общине прав юридического лица, права распоряжения церковными суммами и имуществом, в выборности священников и лиц клира, в устройстве органов приходского управления⁸. По каждому из этих пунктов мы можем увидеть целый спектр мнений. То есть здесь мы наблюдаем взгляд на приходскую общину как на общество.

Что касается некоей наиболее предпочтительной «модели» прихода, предложенной в рамках предсоборной дискуссии и на Соборе 1917–1918 гг., то здесь наибольшее сочувствие получила идея организации прихода как общины, состоящей *при* приходской церкви.

Предсоборным же мечтам церковного общества о «малой церкви» и «братстве во Христе» удалось осуществиться уже после

7. Еп. Стефан (Архангельский) пишет: «В тех городских приходах, где преобладает в составе прихожан элемент текущий (чиновники, заводские рабочие и пр.) и где организовать общину на прочных основах отдельного юридического лица будет затруднительным, общины могут получать характер свободных религиозно-нравственных союзов или братств (курсив мой. — О. Ф.); причем все права и обязательства общины усваиваются и распространяются только на непосредственных участников этих союзов» [Отзывы I, 84].

8. «Нашей же задачей было оживление церковно-приходской жизни, привлечение к живому участию в общем церковном деле всех членов Церкви, в том числе и мирян, привлечение всего Тела Христова к полноте жизни во Христе... <...> ...разъясняет сопредседатель отдела о приходе Предсоборного присутствия, еп. Стефан (Архангельский). — Мы старались привлечь весь приход к полноте церковной жизни и церковных интересов, в том числе, правда, интересов и экономических, как стоящих в тесной неразрывной связи с первыми» [Журналы и протоколы III, 352].

1917 г. Тогда прозвучал призыв патриарха Тихона (Белавина), обошедший всю печать того времени:

Не теряйте времени, собирайте вокруг себя стадо свое, наставляйте его благовременно и безвременно... По одному, по два созывайте их на пастырские беседы, читайте им слово Божие... <...> Составляйте из благонамеренных прихожан братства, союзы, советы, — что найдете полезным по местным условиям...⁹

Свободные союзы и братства стали достаточно быстро появляться по всей стране. Это, безусловно, свидетельствует не столько о наличии самих братств в конце синодальной эпохи, сколько о присутствии в предреволюционной церкви сродного опыта, в той или иной мере обращенного к новозаветной перспективе и выявлявшего давно забытую церковную норму *общения святых*, в которой канонические, мистериальные и мистические границы церкви совпадают. Так, в послереволюционных братствах все церковные таинства, и в первую очередь таинства Крещения и Евхаристии, снова стали совершаться в *таинстве собрания* верных во Христе, которое само есть богослужение и таинство¹⁰.

Источники и литература

1. *Болотов* = Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. В 4 т. Т. 3 : История Церкви в период Вселенских соборов. Репр. воспр. изд. 1917 г. М. : Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. 340 с.
2. *Воронов* = Воронов Л., прот. Догматическое богословие. М. : Хроника, 1994. 95 с.
3. *Деяния* = Собрание определений и Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. URL: <http://www.bogoslov.ru/library/text/369915/> (дата обращения: 02.01.2015).
4. *Журналы и протоколы 1* = Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. В 4 т. Т. 1. СПб., 1906. 694 с.
5. *Журналы и протоколы 3* = Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. В 4 т. Т. 3. СПб., 1907. 736 с.

9. Тихон (Белавин), патр. «Открытое письмо свящ. Томской епархии Николаю Троицкому» от 30 января / 12 февраля 1918 г. (Цит. по: Регельсон Л. Трагедия русской Церкви, 1917–1945. Paris : YMCA-press, 1977. С. 39).

10. См., напр.: [Шеметов].

6. *Заозерский* = Заозерский Н. А., проф. Что есть православный приход и чем он должен быть. Сергиев Посад : Склад изд. в кн. маг. М. С. Елова, 1912. 106 с.
7. *О благоустроении* = О благоустроении прихода // Сводки отзывов. СПб. : б. и., 1906.
8. *Отзывы I* = Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. I. СПб. : Синод. тип., 1906. 548 с.
9. *Отзывы II* = Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. II. СПб. : Синод. тип., 1906. 562 с.
10. *Отзывы III* = Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. III. Кн. 2. СПб. : Синод. тип., 1906. С. 184–375.
11. *Прибавления* = Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : Прибавления. СПб. : Синод. тип., 1906. 259 с.
12. *Стефанович* = Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII вв. М. : Индрик, 2002. 352 с.
13. *Шеметов* = Шеметов Н. (Бычков С. С.). Православные братства // Вестник РХД. 1980. № 131. С. 147–181.

O. B. Filippova

The issue of defining the “parish” concept as discussed prior to and during the 1917–1918 Local Council

The article analyses the search for the scope of the “parish” concept as part of the discussions prior to and during the 1917–1918 Local Council. The debators considered this a search for a way of expressing the spirit of sobornost. For instance, in the beginning of the XX century, a parish could also be called “domestic church”, “community”, “establishment”, “fundamental group unit of the church society”, “patronage” and “brotherhood”. The most heated discussion unfolded between those who attempted to define the parish using the concepts “domestic church” (meaning a congregation of believers) and “God-ascertained establishment”, where the parishioners and the clergy were considered secondary to the parish church.

The outcome of the discussions prior to and during the 1917–1918 Local Council was a favoured idea, namely a model where a parish community was associated with a parish church.

KEYWORDS: parish, community, patronage, brotherhood, *παροικία*, sobornost, parish “models”, discussion, Pre-Council Committee, 1917–1918 Local Council.